

ДОКЛАД

Новая политическая реальность и риски антиэлитной волны в России

Октябрь 2018

Резюме

1. Единый день голосования в сентябре 2018 года в регионах России показал, что **Российская Федерация оказалась в условиях новой политической реальности. Мы столкнулись с Брекзит-эффектом** – когда ранее эффективно работавшая коммуникационная стратегия власти начала давать сбои.

2. **Антиэлитные настроения в России – это часть антиистеблишментной волны, которая сегодня является проблемой для сложившейся системы элит в разных странах мира.** Эксперты сходятся во мнении, что эта волна вызвана мировым финансовым кризисом 2008 года. Антиистеблишментная волна усиливается эффектами стагнации доходов среднего класса и окончания периода роста мировой торговли.

3. Как результат отрыва правых и левых партий от своих традиционных избирателей, появились электоральные ниши, ранее казавшиеся полностью закрытыми массовыми партиями XX века. **Возникшие альтернативные партии крайне сложно причислить к какому-либо варианту традиционной политической идеологии.** В сфере экономики новые партии и движения заменяют традиционный для центристских сил экономоцентризм политики прямым обращением к чаяниям людей — популизмом. Главные характеристики новых популистов: в экономике они делают ставку на перераспределение, в мобилизации сторонников — на образ врага, в идеологической повестке — на антиглобализм и антиэлитизм.

4. **Борьба между системными и антисистемными политическими силами разворачивается в новом информационном пространстве, где царят «четыре всадника информационного Апокалипсиса»:** информационный фастфуд (постоянное потребление которого снижает у избирателей критичность к поступающей информации), постправда (когда для участников политического противостояния важно подтверждение своей правоты, а не объективная информация), fake news и «Большой брат» (новые форматы цензуры, осуществляемые глобальными коммуникационными платформами, использование big data и микротаргетинга). Эти информационные феномены способствуют радикализации участников политического противостояния и в длительной перспективе играют на руку популистским политическим силам.

5. **О запросе в России на новую антиистеблишментную политическую силу говорят данные социологических опросов:** 42%¹ опрошенных не смогли назвать партию, которая выражает их интересы. В восприятии партийной системы сильно преобладают негативные чувства - 72%. Примерно четверть опрошенных (28%) разделяют мнение о том, что партии выражают в первую очередь интересы богатых людей, олигархов; на втором месте власть, руководство страны (17%), на третьем партийные лидеры (12%). В этой связи можно предположить, что новая партия для мобилизации поддержки граждан должна быть классической популистской, с упором на антиэлитный дискурс и харизму лидеров, обладающих «новой искренностью». Пятая часть опрошенных так или иначе отметила, что «народная» партия должна выдвигать на выборы простых людей (21%), быть созданной по инициативе простых людей (20%). 17% респондентов считает, что такой партии стоит сосредоточиться на борьбе с правительством, чиновниками. Еще 15% категорично отметили, что в рядах сторонников такой партии не должно быть олигархов и чиновников.

¹ Здесь и ниже в данном параграфе приведены данные поквартирного опроса, проведенного Национальным институтом социологии управления РАНХиГС. Если же взять данные, доступные из телефонного опроса, проведенного НАРИ, то сразу 62% респондентов ответили, что в России нет политической партии, выражающей их интересы.

6. Поскольку ЛДПР и КПРФ значительной частью населения воспринимаются как часть правящего истеблишмента, эти партии не могут претендовать на то, чтобы перехватить весь существующий протестный электорат.

7. **В мире накоплен большой опыт технологий борьбы истеблишмента с «драконом популизма». Можно выделить 7 базовых приемов - «обрезать когти и крылья», «инициировать лобовое столкновение», «напугать драконом», «накормить дракона», «создать много маленьких драконов», «самому стать драконом», «вырастить своего дракона».**

8. Применительно к стратегиям моделирования «транзитной Госдумы» 2021 года, которая должна стать одним из инструментов обеспечения стабильного транзита власти в 2024 году, в той или иной форме могут быть использованы практически все из этих приемов. Малопродуктивными представляются сценарии «лобовое столкновение» и «напугать драконом». Крайне сложным в реализации и ограниченным по эффективности можно назвать сценарий «самому стать драконом», учитывая длительный период нахождения у власти путинского «Политбюро 2.0» и связанной с ним элиты. **Хотя использование элементов популистской риторики, особенно на региональном уровне в случае прихода новых руководителей, и является сегодня необходимым элементом эффективной политики.** Сценарий «обрезать дракону когти и крылья» влечет за собой риск перехода накопившегося протеста в неэлекторальную плоскость. Высоким технологическим потенциалом обладает комбинация технологий перехвата популистской риторики - как вариант, в сочетании с ребрендингом «партии власти» («самому стать драконом»), размыванием оппозиционного политического поля («много маленьких драконов») и возникновением партнерского левопопулистского проекта («вырастить своего дракона»). **Подобного рода сценарии могут быть реализованы, в частности, при изменении законодательства о выборах в части возвращения в бюллетень избирательных блоков. Это позволит осуществить ребрендинг «партии власти» и быстрое формирование партнерского левопопулистского проекта по модели «Родина-2003». Еще один из реалистичных сценариев – перезапуск находящейся в кризисе партии «Справедливая Россия» в новом качестве – как антиистеблишментного проекта.**

9. Если ничего не менять, то мы приходим к инерционному сценарию. В его рамках медленное угасание парламентских партий и закрытые возможности для старта новых проектов могут привести к тому, что в Госдуме 2021 года произойдет серьезная потеря мандатов «партии власти», которая будет вынуждена вступить в формальную коалицию с кем-то из системных сил (вероятно, ЛДПР) – т.е., «накормить дракона». **Более жесткий сценарий предполагает, что из-за деградации политического предложения, электоральные способы выпуска пара будут исчерпаны и, на фоне существования непопулярной и невлиятельной «транзитной Думы», произойдет переход к неэлекторальным формам политической борьбы.**

Цели и источниковая база

Настоящее исследование основывается на многолетней работе холдинга «Минченко Консалтинг» по исследованию феномена новых популистских партий и общественных движений², их успехов на выборах в странах Запада³, а также публичных прогнозах вероятности появления в российском обществе серьезного запроса на антиэлитное движение. Также в работе учитывались последние исследования, сделанные в России⁴.

У настоящего доклада несколько целей:

- показать основные параметры, ведущие к успеху популистов и антиэлитных партий в европейских странах,
- проанализировать роль популистов в российском контексте,
- предложить возможные сценарии развития партийной системы России в свете фактора усиления антиэлитных настроений.

При его подготовке были использованы материалы следующих социологических исследований:

- **Качественное социологическое исследование\методом фокус-групп** (инициативное исследование Независимого агентства региональных исследований). Группы формировались методом⁵ предрекрутинга. Основные критерии отбора респондентов: возраст (старше 18 лет), общественно-политическая активность (участие в выборах, наличие собственной позиции относительно общественно-политических процессов). Каждая группа состояла из двух частей: первая – диагностическая (обсуждение общественно-политической проблематики), вторая – фасилитационная (проектирование «идеальной» партии общественного большинства). Хронологические рамки исследования: с 20 по 30 сентября 2018 года. Географические рамки исследования: территория РФ (крупные города - Москва, Санкт-Петербург, Архангельск, Брянск, Владивосток, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Краснодар, Новосибирск, Пятигорск, Самара, Севастополь, Тамбов, Ульяновск, Хабаровск, Челябинск, Чита).

- **Репрезентативный телефонный опрос населения России**, в рамках которого было соблюдено распределение по половозрастным квотам, а также по типам населенных пунктов, согласно официальной статистической информации о соответствующих демографических группах в федеральных округах (инициативное исследование Независимого агентства региональных исследований). Общая выборка - 1500 респондентов.

- **Репрезентативный опрос населения России методом личных интервью** (инициативное исследование Национального института социологии управления

² Как выигрывают выборы в США, Великобритании и Евросоюзе: Анализ политических технологий. - М.: ООО «Паблиц», 2015. – 472 с.; Минченко Е., Корнилов В., Петров К., Пахомов Н. Аутопсия кампании Хиллари: как победил Трамп. Политтехнологический анализ выборов президента США // Минченко консалтинг, 2016. - URL: http://www.minchenko.ru/netcat_files/userfiles/2/Dokumenty/Autopsiya_itog.pdf.

³ Части 1 и 2 настоящего доклада частично основаны на академическом исследовании, опубликованном в журнале «Полис», в авторский коллектив которого входил К.Петров: Сергеев В.М., Казанцев А.А., Петров К.Е. Политика “мейнстрима” и ее альтернативы в современном западном мире: на пути от мирового экономического кризиса к “невозможной политике?” // Полис. Политические исследования. - 2017. - № 3. - С. 8-29. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.02> Также см.: Сергеев В.М., Казанцев А.А., Петров К.Е., Медведева С.М. Кризис партийно-политической системы в США и странах ЕС: причины и характеристики. // Полис. Политические исследования. - 2018. - № 2. - С. 130-149. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.10>

⁴ «Современный технологический популизм. Игра в классики» // ЭИСИ, Сентябрь 2018. – URL: <http://eisir.ru/upload/iblock/58a/58ae0615582c1bdec742e467b3160149.pdf>

⁵ Использование предварительного анкетирования (вариативное по регионам), обеспечен разнородный состав по социально-демографическим характеристикам.

РАНХиГС). Сбор информации проводился методом формализованного интервью по месту жительства (поквартирный опрос) с 3 по 14 октября 2018 года. Общая выборка составила: 1200 респондентов. Выборка стратифицированная, репрезентирует население РФ старше 18 лет по типу места жительства, полу и возрасту.

Введение

Единый день голосования сентября 2018 года в регионах России показал, что Российская Федерация оказалась в условиях новой политической реальности.

Мы столкнулись с Брекзит-эффектом⁶ – когда ранее эффективно работавшая коммуникационная стратегия власти начала давать сбои сразу в нескольких регионах⁷. И здесь Россия не одинока. Антиэстеблишментная волна до этого прокатилась по странам Европы и Америки и продолжает ставить перед правящими элитами ряд вызовов, на которые сегодня нет однозначных ответов.

Эта общемировая тенденция обусловлена рядом объективных предпосылок:

- Глобальные трансформации мировых рынков товаров, труда и капитала и ухудшение на этом фоне экономической конъюнктуры, стагнация доходов среднего класса;
- Переход на новые технологические платформы и роботизация влекут за собой целый ряд новых вызовов. С одной стороны, делается в перспективе ненужным целый ряд профессий и появляется риск появления новых массивов «лишних людей». А с другой стороны – создаются возможности кардинального изменения характеристик человеческого организма и предпосылок для возникновения еще более высокого разрыва в качестве жизни правящего класса и управляемых. В перспективе – вплоть до выделения нового биологического вида;
- Рост претензий граждан к управленческой компетентности, стилю поведения и жизни правящей элиты, благосостояние которой постоянно растет.

Усугубляющие проблему факторы:

- Утрата правящей элитой доминирования в информационном пространстве в связи с развитием новых коммуникационных платформ;
- Кризис системы представительной демократии, которая подвергается критике как снизу (за недостаточный учет мнения избирателей, манипулятивность и «машинную политику»), так и сверху (за импульсивные решения наподобие Брекзита или избрания популистов типа Трампа);
- Обострение внутриэлитной конкуренции на фоне сокращения объемов распределяемого ресурса.

Поскольку системные политические силы зачастую не способны адаптироваться к новой реальности, появляются новые игроки, использующие антиэлитную риторику и принципиально иную стилистику проведения политических кампаний.

Борьба между системными и антисистемными политическими силами разворачивается в новом информационном пространстве, где царят «четыре всадника информационного Апокалипсиса»⁸: информационный фастфуд (постоянное потребление которого снижает у избирателей критичность к поступающей информации), постправда (когда для участников политического противостояния важно подтверждение своей правоты, а не объективная информация), fake news и «Большой брат» (новые форматы цензуры, осуществляемые глобальными коммуникационными платформами, использование big data и микротаргетинга). Эти информационные феномены способствуют

⁶ «Brexit-эффект в российской политической системе?» // Минченко консалтинг, Апрель 2017. – URL: http://minchenko.ru/analitika/analitika_68.html

⁷ Ряд аналитиков придерживается позиции, что эти поражения «партии власти» - не системная проблема, а последствия неудачных кадровых решений.

⁸ Термин Евгений Стуловой.

радикализации участников политического противостояния и в длительной перспективе играют на руку популистским политическим силам.

Борьба истеблишмента с «драконом популизма» является творческим процессом и может быть сведена к нескольким базовым технологиям⁹:

1. **«Обрезать когти и крылья»** – манипуляция условиями допуска к политической конкуренции, правилами игры, использование силового инструментария и цензуры. Наиболее яркий пример – Франция (система двухтуровых выборов в одномандатных округах, уголовные дела против политических оппонентов). Подобные технологии создают риск накопления протестной энергии, которая затем может прорваться как в голосовании за любых допущенных до выборов оппозиционеров, так и в форме протестов, в том числе и насильственных (Украина, Грузия, Армения).

2. **«Лобовое столкновение»** – консолидация системных политических сил против аутсайдера. В условиях роста антиэлитных настроений технология может не сработать даже в случае противостояния кандидату, значительно уступающему по ресурсам (победа Дональда Трампа над консолидированным кандидатом американских элитных кругов Хиллари Клинтон в 2016 году).

3. **«Напугать драконом»** – целенаправленная накачка в качестве основного оппонента оппозиционной политической силы с высоким антирейтингом для мобилизации провластных избирателей. Успешные примеры – пара «ФИДЕС»-«Йоббик» в Венгрии, Ельцин-Зюганов в 1996 году в России, Кучма-Симоненко в 1999 году в Украине. Неудачные примеры – пара «Партия Регионов»-«Свобода» в Украине в 2014 году, пара Клинтон-Трамп в 2016 году в США.

4. **«Накормить дракона»** – дать возможность популистским силам прийти на время к власти в отдельном регионе, муниципалитете или даже на общенациональном уровне, показать на этом примере управленческую несостоятельность протестных лидеров. Риск технологии – возможность сохранения и даже рост общественной поддержки популистов, несмотря на управленческие провалы перехват ими административных и силовых рычагов, позволяющих компенсировать снижение рейтинговых показателей (чавистские режимы Латинской Америки).

5. **«Много маленьких драконов»** – поощрение создания спойлерских проектов, распыляющих протестную повестку. Наиболее распространенная технология на постсоветском пространстве (Россия, Украина). Риск технологии – выход спойлерских проектов из-под контроля, создание на их базе антиэлитной коалиции (Украина).

6. **«Самому стать драконом»** – перехват популистской повестки («ФИДЕС» в Венгрии, «Право и справедливость» в Польше). Длительное время технология успешно использовалась в России. Ярчайший пример – Владимир Путин образца 1999-2004 годов. Ограничение технологии – длительность нахождения у власти, технология «огня по штабам» не может быть постоянным способом существования правящей элиты. Кроме того, перехват риторики оппозиции неизбежно влияет и на политику, и то, что изначально казалось только удачным политтехнологическим приемом, может стать причиной глубинных трансформаций, как это произошло с частью лидеров Консервативной партии Великобритании, которые для решения своих внутривнутрипартийных задач включились в кампанию за выход Великобритании из Евросоюза.

7. **«Вырастить своего дракона»** – создание управляемого квазиоппозиционного проекта, использующего популистскую риторику и инструментарий популистов, впоследствии превращающегося в «партию власти» (Макрон во Франции, частично Путин в 1999 году). Одному из авторов этого доклада консультанты Макрона, а

⁹ Реальная политическая стратегия чаще всего представляет собой комбинацию из нескольких приемов

до него – Олланда, говорили, что при проектировании президентской кампании своего патрона вдохновлялись технологией передачи власти от Ельцина к Путину, а при создании движения «Вперед, в путь» - созданием «с колес» блока «Единство» в 1999 году. Риски технологии – возможность быстрого разочарования избирателей (в данный момент Макрон – лидер по антирейтингу среди президентов Франции). Также стоит отметить, что манипулятивные проекты в условиях новой информационной реальности, прозрачности информационных потоков и запроса на «подлинность» достаточно быстро считываются избирателями.

I. Истоки зарождения антиистеблишментной волны в Европе

Антиглобалисты. Недовольство характером и направлением глобализации со стороны отдельных страт внутри среднего класса и нижнего среднего класса стран Запада зрело давно. Если в 1990-е годы и на начало 2000-ых недовольные составляли меньшинство, то в условиях мирового финансового кризиса, начавшегося в 2008 году, число недовольных резко увеличилось.

В ряде стран Западной Европы привычная партийная структура не выдерживает давления и деформируется. Вслед за ударом мирового финансового кризиса на базе антиглобалистских движений в Европе возник целый ряд совершенно новых общенациональных партий “альтернативного” характера, быстро получивших весомую поддержку избирателей и доступ к парламентской трибуне. Особенно быстро этот процесс протекал в Южной Европе.

Альтернативные партии возникли в Германии («Альтернатива для Германии», далее AfD – апрель 2013 г.), в Италии («Движение пяти звезд», далее M5S, – октябрь 2009), в Испании («Подemos» – март 2014 г.), в Греции (разрозненная коалиция радикальных левых «Сириза» стала политической партией в июле 2013 г.), в Чехии (движение А. Бабиша ANO 2011 – май 2012 г.), 10 февраля 2016 года во Франции родилось партийное объединение «Непокорная Франция». Кроме того, под воздействием экономического кризиса в 2008 г. и успехов новых движений часть существовавших на обочине партийных структур серьезно трансформировалась, переняв альтернативные доминирующим партиям идеологию и риторику. Этим путем пошли, например, «Лига Севера» в Италии, «Национальный фронт» во Франции, Партия независимости Соединенного Королевства (UKIP). Все они совершили успешный ребрендинг, перейдя в категорию альтернативных и антиглобалистских партий.

Один из наиболее очевидных ответов на вопрос, почему так происходит, состоит в том, что проект глобализации (строительства «глобальной мировой экономики») перестал приносить экономическую выгоду среднему классу. А между тем рост среднего класса – ключевой элемент устойчивости демократических (здесь под демократией в первую очередь понимается система представительства через выборы) систем национальных государств. Такое мнение высказал Ф.Фукуяма, еще в 2012 году выпустивший небольшую статью, в которой сомневался в среднесрочной стабильности либеральных демократий из-за резкого роста неравенства¹⁰. Сокращение доходов работающих одновременно с ростом миграционных потоков в страны первого мира из стран третьего мира стало постоянным раздражающим фактором для большого числа избирателей. Люди с меньшим образовательным уровнем стали считать ухудшение своего социально-экономического положения прямым следствием глобального «сговора элит», обвинять их в предательстве национальных солидарных интересов.

Кризис идей представительной демократии. Возможно, еще одной важной причиной коррозии социальной поддержки существующей партийной системы стал отрыв глобализованной элиты от среднего класса стран Запада в уровне жизни и образе жизни. Этот отрыв стал в 2010-ых годах столь серьезным, что представительство реальных интересов (в национальных парламентах и в более широком смысле) одних другими стало достаточно сложным. Часть небольших европейских стран с гомогенным и солидарным обществом смогли переориентироваться на более эгалитарный способ принятия решений через внедрение элементов прямой демократии, минуя этап представительства, - например через расширение использования референдумов. Элиты же большинства стран сделали

¹⁰ Fukuyama F. The Future of History: Can Liberal Democracy Survive the Decline of the Middle Class? – Foreign Affairs. 2012. Vol. 91. No. 1. P. 53-61.

ставку на сохранение у власти традиционных партий центристского толка, преимущественно социал-демократов и христианских демократов, степень различия между которыми стала стираться с еще большей скоростью.

Угасание мейнстримных партий. Процесс размывания социальной базы в настоящее время наносит двойной удар по традиционным центристским партиям. Во-первых, он ведет к усилению поддержки радикальных правых и левых групп внутри самих традиционных центристских партий. Во-вторых, в континентальных европейских странах, где партийная дисциплина, как правило, является высокой, а пропорциональная избирательная система оставляет возможности для существования более широкого партийного спектра, новые партии и движения эффективно навязывают свою повестку традиционным партиям в ходе избирательных кампаний и постоянно отбирают у них голоса.

В результате «мейнстримные» партии либо должны сдвигаться в более радикальную сторону (например, как это было видно по победе Фийона на праймериз партии «Республиканцев» во Франции, резкому усилению влияния евроскептиков в Консервативной партии Великобритании, а также по усилению консервативных настроений внутри ХДС и, особенно, ХСС в Германии), либо им придется уступить избирателя «альтернативным» партиям.

Интересную игру на этом направлении демонстрируют антиевропейские партии (UKIP, на первых этапах – «Альтернатива для Германии», частично – Лига Севера в Италии, Национальный фронт во Франции, польская правящая партия «Право и Справедливость» и пр.) и антииммигрантские партии в Европе (поздние этапы развития “Альтернативы для Германии”, те же Лига Севера в Италии и Национальный фронт во Франции, венгерская правящая партия ФИДЕС).

Для центристов и левоцентристов также растет вызов со стороны левых партий. В Южной Европе это «новые левые»: греческая «Сириза», испанский «Подemos», левый блок в Португалии. В Германии — более традиционные «Die Linke» и Зеленые. Во Франции часть электората социалистов, провалившихся после неудачного президентства Олланда, ушла или к радикальному лидеру партии «Непокорная Франция» Меланшону, или к «Национальному фронту».

Необходимо сделать оговорку, что в ряде европейских стран в ходе национальных выборов (Франция, Великобритания) пропорциональная избирательная система не применяется, поэтому «Национальный Фронт» и UKIP наиболее эффектно выступают в ходе выборов в Европарламент, где система выборов пропорциональная. Тем не менее, сама динамика их поддержки на выборах в Европарламент приводит к еще большему усилению давления на центристские партии на национальном уровне. Как это видно в случае Франции, по ряду вопросов таким образом еще больше размылись различия между социалистами и правоцентристами.

Как результат отрыва правых и левых партий от своих традиционных избирателей, появились электоральные ниши, ранее казавшиеся полностью закрытыми массовыми партиями XX века. Возникшие альтернативные партии крайне сложно причислить к какому-либо варианту традиционной политической идеологии. В сфере экономики новые партии и движения заменяют традиционный для центристских сил экономоцентризм политики прямым обращением к чаяниям людей — популизмом. Главные характеристики новых популистов: в экономике они делают ставку на перераспределение, в мобилизации сторонников — на образ врага, в идеологической повестке — на антиглобализм и антиэлитизм. Если враг такой партии обозначен как мигрант, отбирающий часть национального дохода в виде социальных выплат, то предлагаемое решение — протекционизм и сворачивание социальных программ для мигрантов, если врагом партии

считается богач-капиталист, то решением станут чувствительные налоги на богатых и радикальное увеличение сферы вэлфера для всех остальных граждан.

Условно правый популизм концентрируется на национализме и протекционизме и, соответственно, фокусируется на перераспределении рабочих мест от мигрантов или слишком открытых зарубежных рынков труда в пользу местного населения. Условно левый популизм ставит во главу угла классовую борьбу и декларирует необходимость кардинального перераспределения дохода от богатых слоев общества к бедным. Наиболее сильной идеей подобного толка является выплата безусловного дохода просто по факту владения гражданством. Все классификации условны, так как в реальной политической борьбе оба приема могут быть использованы одновременно, как это делает «Национальный фронт» во Франции. Евроскептицизм большинства подобных партий также вполне объясним. Брюссельская бюрократия практически неподконтрольна населению и прекрасно подходит на роль врага, участвующего в сговоре глобалистских элит.

II. Последние выборы в ЕС: успехи популистских партий

На протяжении последних 4 лет выборы в странах ЕС демонстрируют устойчивую и нарастающую поддержку популистских и антиистеблишментных сил. Сложно найти пример страны, которую бы не затронула данная тенденция. Прямые победы новых партий и движений на выборах происходят в странах Южной Европы (Греция, Италия). Ряд стран Восточной Европы (Венгрия, Польша) увидели необычайные метаморфозы ранее чисто консервативных сил (ФИДЕС и «Право и Справедливость»). Более устойчивые политические системы (Северная Европа) продолжают сопротивляться увеличению представительства антисистемных партий в парламентах до уровня, когда они смогут самостоятельно сформировать правительства, но и там процесс коррозии традиционных для середины XX века партийных систем неуклонно продолжается.

Тревожный звонок для системных и центристских партий прозвучал еще раньше, но они его не услышали. Одним из первых громких успехов европейских популистов стал рекордный результат партии ФИДЕС, которая набрала на выборах в парламент Венгрии 52% в 2010 году. На протяжении нескольких лет популисты из итальянского «Движения 5 звезд» во главе с неполиткорректным сатириком Бeppe Грилло (2013 год – 25,5%; 2018 – 32,6%) и испанская радикальная партия «Подemos» (2015 год, первые парламентские выборы – 20,6%, 2016 – 21,1%), ведомая политологом Пабло Иглесиасом, отбирали голоса у старых партий. В Греции в результате финансового и правительственного кризиса радикальная коалиция левых популистов «Сириза» пришла к власти на парламентских выборах 2015 года, набрав 36,3% голосов. В Польше партия «Право и справедливость» одержала победу на парламентских выборах 2015 года, набрав 37% голосов, значительно улучшив результаты 2011 года – тогда партия набрала почти на 10% меньше.

В 2016 году мир потрясли неожиданный успех евроскептиков на референдуме в Великобритании (при явке более 72% за выход из ЕС проголосовали 51,9% избирателей), победа аутсайдера без политического опыта Дональда Трампа на праймериз Республиканской партии и итоговое поражение, казалось, безальтернативной Хиллари Клинтон на выборах президента США (хотя по количеству голосов в абсолютных числах выиграла Клинтон, по голосам выборщиков победу одержал Трамп – 304 против 227 голосов).

В 2017 году тенденция укрепления антисистемных сил продолжилась. Во Франции популисты из «Национального фронта» и его лидер Марин Ле Пен, давшая обещание, что в случае победы она немедленно объявит референдум о выходе страны из Евросоюза, достаточно успешно противостояли кандидатам от политического мейнстрима. Ле Пен вышла во второй тур президентских выборов, набрав 33,9%, а «Национальный фронт» получил в совокупности около 9% во втором туре парламентских выборов. В Нидерландах «Партия свободы» во главе с ее лидером Гертом Вилдерсом, получившая популярность благодаря резкой антиисламской риторике и жесткой позиции по отношению к действиям брюссельской бюрократии, стала главным соперником правящей коалиции. По итогам голосования «Партия свободы» заняла второе место, улучшила свой прошлый результат на 3% и провела в парламент 20 депутатов, набрав 13,1%. В Чехии популистская партия миллиардера и медиамагната Андрея Бабиша ANO 2011 и вовсе победила на парламентских выборах, набрав 29,6%.

В сентябре 2017 г. прошли выборы депутатов федерального парламента в Германии. Правящий Христианско-демократический союз столкнулся с жесткой конкуренцией со стороны новой партии «Альтернатива для Германии» (AfD), в центре повестки которой – отказ от евро, резкое ужесточение миграционной политики, ограничение полномочий

органов ЕС. Выборы в 2017 году принесли AfD несомненный успех. Было получено 12,6% голосов (в 2013 году партия получила лишь 4,8%), что дало 94 депутатских мандата. Партия вышла на третье место в стране и стала ключевым фактором дестабилизации немецкой политики. Под ударом оказалась большая коалиция центристских партий. Левые теряют голоса (у СДПГ в 2013 году было 25% против лишь 20% на выборах 2017 года) в пользу зеленых (на выборах 2017 года набрали почти 9%), правоцентристы в пользу «Альтернативы для Германии».

Даже в одном из оплотов мейнстрима – Скандинавии, происходят существенные трансформации партийного спектра. На парламентских выборах 2018 года в Швеции, партия евроскептиков «Шведские демократы» получила 17,5% (в 2014 – лишь 12,9%), став третьей политической силой в стране. При этом лидеры - социал-демократы снизили свои результаты с 31% до 28%. В Финляндии евроскептики «Истинные финны» в 2015 году набрали 17,7%, заняв на выборах третье место. В Норвегии на выборах в 2017 году третье место заняла партия евроскептиков и популистов «Партия прогресса», набрав 15,2%. После выборов партия вошла в правящую коалицию меньшинства, сформировав кабинет вместе с Консервативной партией Норвегии. В Дании по итогам выборов в 2015 году правопопулистская «Датская народная партия» заняла второе место с 21% голосов, но не вошла в правительство.

К 2018 году электоральные перспективы альтернативных движений стали очевидными для многих. В 2018 европопулисты укрепили позиции — «Движение 5 звезд» в ходе всеобщих выборов в Италии получило 32% голосов, еще одна евроскептическая партия «Лига Севера» - 17% по партийным спискам. В итоге обе партии сформировали новое итальянское правительство.

На недавних парламентских выборах в Латвии пришла к быстрому успеху популистская партия «Кому принадлежит власть?» (KPV LV), заняв второе место с 14,2%. Партия была основана только в 2016 году, сумев за два года заручиться электоральным потенциалом и успешно выступить на выборах.

На прошедших в середине октября выборах в местный парламент Баварии, партия ХСС – ключевой союзник партии канцера А.Меркель и электоральный лидер Баварии с 1957 года потерпела чувствительное политическое поражение, потеряв абсолютное большинство и набрав лишь 35,5%, что хуже предыдущего результата на 12 процентов. Даже объединение в коалицию с социал-демократами не обеспечит абсолютного большинства. При этом партия «Альтернатива для Германии» сумела набрать 11%, заняв 4 место и впервые войдя в баварский парламент. Это яркий индикатор продолжающегося кризиса мейнстримной политики и усиления популистской волны в Европе.

III. Популизм в российской политике

Становление институтов представительной власти в современной России пришлось на трудный период 1993-1999 гг. Это было время наибольших успехов партии ЛДПР, которая представляла собой во многом классический популистский и вождистский проект, эффективный в условиях слабых институтов. Однако даже приблизиться к попытке получить реальную власть ЛДПР не смогла, став через десятилетие, в 2000-х гг., своеобразным, но в целом удобным младшим партнером правящей партии.

С самого раннего этапа развития российской многопартийности популизм и популистские проекты были неотрывной частью российской политической экосистемы. Легче назвать выборы, на которых популизм в той или иной форме не присутствовал как важный фактор, чем перечислить все формы, которые он принимал. Пожалуй, только на парламентских выборах в 2007 году популистские проекты и голосование за них не имели веса.

В период «первого транзита власти» от Бориса Ельцина к Владимиру Путину антиистеблишментные настроения были использованы при раскрутке кандидата от власти. Этому способствовал раскол элит. В итоге проект «Единство», составленный на региональном уровне из малоизвестных людей, многие из которых ранее не были вовлечены в политику, и правопопулистский проект «Союз правых сил» (в том числе в рамках кампании С.Кириенко по выборам в мэры Москвы) выступили в качестве оппонентов регионального и частично федерального начальства, объединенного в блок «Отечество – Вся Россия».

Кампания «Единой России» в 2003 г. частично использовала технологии «огня по штабам», прибегая к борьбе против «оборотней в погонах» и роста энерготарифов. На второй теме от поезда властной коалиции был отцеплен вагончик СПС и Чубайса.

Наиболее удачный кейс популистского проекта в России 2000-х связан с деятельностью избирательного блока «Народно-патриотический союз «Родина», который был образован к 2003 г. Изначально проект создавался властью как противовес КПРФ, однако он сыграл свою роль и в борьбе против политических амбиций крупного бизнеса. После разгрома М.Ходорковского и консолидации элитного пространства, проект оказался ненужным и был свернут.

Институциональные особенности политико-партийного законодательства также благоприятствовали успеху партии в 2003 г. Тогда еще было разрешено формирование и участие в выборах избирательных блоков, что позволило «Родине» консолидировать более мелкие партийные проекты и выступить единым политическим фронтом.

Последовавшие реформы партийного законодательства значительно усложнили регистрацию новых партий. До 2004 г. минимальная численность партии должна была составлять лишь 10 000 членов, однако в декабре 2004 г. были внесены поправки в законодательство, согласно которым минимальная численность должна была составлять 50 000 человек с региональными отделениями не менее чем в половине субъектов РФ (минимальная численность регионального отделения – 500 человек). К 2007 г. проходной барьер в Государственную Думу повысили с 5 до 7%, а смешанная избирательная система была заменена на чисто пропорциональную. Также запретили формирование избирательных блоков. В итоге реформы привели к значительному ослаблению малых партий – они не могли как преодолеть высокий избирательный барьер, так и провести лидеров через одномандатные округа. Если в 2003 в выборах участвовало 23 партии, то в 2007 - всего 11. Таким образом, на рубеже конца 2000-х гг., посредством ужесточения правил участия в выборах, потенциал появления популистских партий или избирательных блоков практически свели на нет.

Идиллию симфонии крупных парламентских партий нарушили парламентские выборы 2011 г., начавшиеся непубличной договоренностью о рокировке между президентом и премьер-министром, сопровождавшиеся массовым участием граждан в наблюдении за подсчетом голосов и общественной контркомпанией против «Единой России», и закончившиеся массовыми акциями протеста против официальных результатов выборов. Выглядевшая стройной партийная система дала серьезную трещину, но осталась стоять на месте.

Во многом примером ситуативной тактики популизма может считаться кампания «Справедливой России» в 2011-2012 гг.. Партия не акцентировалась на идеологической платформе социал-демократии и во многом стала позиционироваться как антивластная. В феврале-апреле 2011 произошел конфликт между С.Мироновым и руководством «Единой России» (и даже лично В.Путиным), когда глава эсеров разорвал соглашение о поддержке стратегических инициатив «ЕР». После этого С.Миронова сняли с поста спикера СФ, возник публичный политический конфликт. На думские выборы партия шла с жесткими антивластными лозунгами. Тем не менее, антивластное позиционирование оказалось лишь временным. После активного участия ряда лидеров СР в уличных протестах, деятельность партии позже утратила антивластный характер. Из партии стали выходить видные активисты (Пономарев, Гудковы, Дмитриева), а сами эсеры снова прочно встроились во властную вертикаль, став лояльными федеральному центру и утратив позиционирование «третьей силы».

Также стоит отметить правопопулистский проект «Правой силы», который не был востребован на выборах в Госдуму и перезагружен уже во время президентской кампании 2012 г. М.Прохорова, который сосредоточился на критике «думских старцев» - лидеров оппозиционных парламентских партий. Результаты «Гражданской платформы» на региональных выборах 2013-2015 годов показывают возможность существования в России нишевого правопопулистского проекта.

Между парламентскими и президентскими выборами 2011-2012 годов появился «Общероссийский народный фронт», который выглядел как протопопулистская партия. Этот инструмент, несомненно, сыграл свою роль и частично перехватил импульс популистской волны, возникшей в 2011 г. Задумка с созданием ОНФ состояла в попытке институционализации протестного потенциала и частичного ребрендинга партии власти за счет включения в партийные списки членов ОНФ. Предполагалось, что ОНФ будет позиционироваться как «надпартийная» структура. Более того, создание ОНФ шло параллельно с попыткой введения обязательных праймериз внутри «Единой России». В целом род деятельности ОНФ изначально представлял собой внешний контроль над исполнительной властью с сильным акцентом на антикоррупционную повестку. Публичные акты давления на губернаторов (самый яркий кейс – расследования о растратах в отношении губернатора Сахалина А.Хорошавина и его последующая отставка) во многом резонировали с запросом электората на контроль чиновничества. Таким образом, антикоррупционную повестку оппозиции удалось временно перехватить.

Однако ОНФ не трансформировался в полноценную партию, чего ждали очень многие, зато увяз в региональных конфликтах с губернаторами, снизив свое политическое влияние. Наиболее вероятно, что ОНФ останется в качестве структуры мониторинга реализации федеральных программ посредством внешнего контроля регионального уровня власти. Скорее всего, сохранится и функция мониторинга социально-экономической обстановки на уровне региональных штабов ОНФ (экологические вопросы, социальные проекты), но без политизации деятельности. «Народный фронт» может быть востребован в качестве политической платформы в случае, если в российское законодательство будет возвращена возможность формирования предвыборных блоков.

Потенциал антиистеблишментной риторики на возвращенных к жизни выборах губернаторов показали кампании А.Навального в Москве в 2013 г. и С.Левченко в 2015 г. в Иркутской области. И в том, и в другом случае кампании, построенные главным образом на негативе, дали существенный результат. В 2016-2017 гг. казалось, что повторения подобного развития событий на региональных выборах не будет, однако 2018 г. продемонстрировал, что откат антиэлитной волны был временным. Новый удар оказался гораздо сильнее и пришел совершенно неожиданно – главами регионов были проиграны сразу четыре кампании.

Согласно нашим оценкам, нашедшим свое подтверждение в ходе общения с экспертами, сегодня существует сразу несколько ниш, в которых есть возможности для роста и вхождения во власть:

- Ниша классической либеральной партии;
- Ниша левой консервативной партии;
- Ниша антиэлитной партии;
- Ниша лидерской партии.

Представляется, что **именно антиэлитная партия может включать элементы других нишевых проектов**. Легко себе представить антиэлитную вождистскую партию, нет никаких проблем и с теоретическим возникновением антиэлитной лево-консервативной партии, как вождистского, так и невождистского толка. Более того, в условиях России можно даже представить себе антиэлитную либеральную партию, которая будет бороться с врагами-чиновниками.

По данным количественного телефонного опроса НАРИ, 25 % респондентов отметили среди главных характеристик идеальной партии то, что она не должна иметь в своих рядах олигархов и чиновников.

Эти же выводы подтвердил и поквартирный репрезентативный опрос НИИСОЦУ РАНХиГС. Народная партия, в представлениях россиян, прежде всего, поддерживает диалог с населением (34%) и перед ним отчитывается (32%). Такие ответы можно назвать политкорректными в российском понимании этого слова. Они не дают представления об особенностях этой народной партии. Но далее интереснее. Пятая часть опрошенных так или иначе отметила, что партия должна быть удалена от элиты — выдвигать на выборы простых людей (21%), быть созданной по инициативе простых людей (20%). 17% респондентов считает, что такой партии стоит сосредоточиться на борьбе с правительством, чиновниками. Еще 15% категорично отметили, что в рядах сторонников такой партии не должно быть олигархов и чиновников (см. Диаграмму №1 ниже). Во многом это набор примет классической популистской партии.

Диаграмма №1. Какие из следующих характеристик являются необходимыми для партии, чтобы она могла считаться «народной»?*(до двух ответов, % от всех опрошенных)*

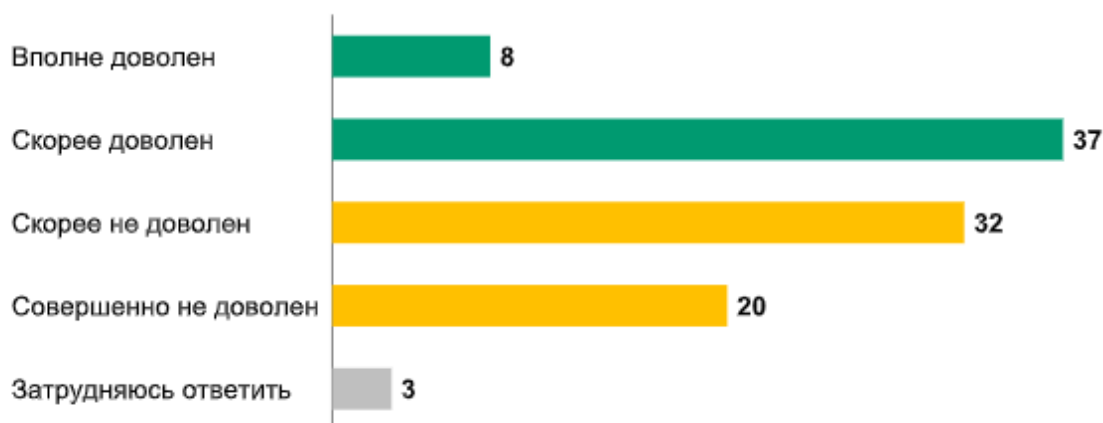
IV. Социально-политический ландшафт в России и итоги сентябрьского электорального цикла

Использованные для данного доклада социологические данные позволяют зафиксировать следующие тенденции в российском обществе, оказывающие определяющее воздействие на социально-политический ландшафт:

1. **Негативная динамика социального самочувствия граждан.** Мнения в обществе относительно положения дел в России в настоящее время расходятся с небольшим перевесом в сторону отрицательных оценок: 45% россиян в целом довольны ситуацией, 52% не довольны. Причем однозначно негативные отзывы звучат значительно чаще уверенных позитивных: совершенно не довольны состоянием дел 20% респондентов, а вполне довольны только 8%.

Диаграмма №2

Если говорить в целом, Вы довольны или не довольны положением дел в стране в настоящее время?
 (% от всех опрошенных)

Отмечается планомерное ухудшение уровня жизни, недостаточность мер социальной поддержки, рост цен и тарифов, увеличение налоговой нагрузки, непопулярные реформы, коррупция, дисбаланс в развитии регионов (между Москвой и периферией), социальное расслоение;

2. **Социально-политическая ситуация чаще всего оценивается как застой, причем с отрицательным содержанием.** Существующее положение дел описывается не как стабильность (когда речь идет о зastoе брежневского времени), а как стагнация;

3. **В сложившейся ситуации усиливаются две основных тенденции:** рост социальной апатии, с одной стороны, и попытка выразить свое негативное отношение к происходящему на выборах, с другой;

4. **Респонденты в большинстве своем позитивно оценивают результаты прошедших 9 сентября 2018 г. выборов.** Фиксируется воодушевление из-за того, что удалось показать свое недовольство ситуацией, и вместе с тем, есть опасение, что ситуация в регионе может ухудшиться (боязнь безвластия, сокращения финансирования со стороны федерального центра);

5. **Что касается выборов, то респонденты исходят из двух основных позиций.** По их мнению, выборы безусловно важны как демократический институт,

реальная возможность влияния на власть. Однако выборы в том виде, как они проходят сейчас, подвергаются критике;

6. Это критическое отношения реалий распространяется и на существующую партийно-политическую систему в целом. 42% опрошенных не смогли назвать партию, которая выражает их интересы¹¹. В восприятии партийной системы сильно преобладают негативные чувства - 72%. Из них ведущими являются разочарование (29%) и тревога (20%). Только у 38% опрошенных упоминание партий вызывает позитивные эмоции. В описании партийно-политической системы участники фокус-групп чаще всего называли следующие ее качества:

- Фасадность - несоответствие деклараций реальному положению дел;
- Некомпетентность системы;
- Замкнутость системы - дефицит связей между властью и гражданами, отсутствие самообновления, отсутствие здоровой конкуренции;
- Коррупционность.

Более четверти опрошенных (28%) разделяют мнение о том, что партии выражают в первую очередь интересы богатых людей, олигархов; на втором месте власть, руководство страны (17%), на третьем партийные лидеры (12%). В этой связи, новая партия для мобилизации поддержки граждан должна быть классической популистской, с упором на антивластный дискурс и харизматичность лидеров, их «новую искренность».

Диаграмма №3

Как Вы считаете, чьи интересы прежде всего выражают современные политические партии в России? (% от всех опрошенных)

Таким образом, участие в выборах стало основным способом выражения накопившегося недовольства. Возможность продемонстрировать свое отношение к существующей ситуации пока является формой диалога власти и граждан. При этом сами выборы в той форме, в которой они проводятся, воспринимаются достаточно критически, как и вся партийно-политическая инфраструктура. Можно сказать, что ресурс этого механизма в

¹¹ Эту цифру можно назвать ориентиром для популистской партии.

нынешнем состоянии крайне ограничен. По мере его дальнейшего изнашивания стоит ожидать усиления социальной апатии и вместе с тем нарастания протестной активности.

Протестная активность на данный момент характеризуется точечностью протестов по конкретным ситуациям (протесты дальнбойщиков, протесты против строительства мусорных полигонов и мусоросжигательных заводов, протесты в Ингушетии и т.д.) **Все они являются географически разнесенными и разноуровневыми, мобилизуют локальные сообщества и атомизированы по отношению друг к другу – никаких устойчивых структурных связей между этими очагами нет.** Тем не менее, **каждый новый большой протест, который попадает в федеральную повестку, эмоционально подпитывает остальные группы, морально укрепляет их.** Эта активность будет только нарастать, а протестов станет больше. При существующих системах коммуникации налаживание связей, создание единой идеологической платформы и координации между разными очагами не является проблемой. В конечном счете, накопившийся объем протестных сообществ может стать ресурсом для большого антисистемного проекта. В такой ситуации федеральному центру придется либо создавать новый партийный проект для купирования уличного протеста, либо проводить институциональную реформу всей политико-партийной системы в целом. В ином случае, протест рискует стать неэлекторальным, либо оформиться в виде появления популистской партии или движения «снизу».

При этом поквартирный опрос выявил два сегмента, которые придерживаются преимущественно левых взглядов с четкой партийной самоидентификацией, – голосуют либо за КПРФ, либо ЛДПР. В совокупности эти два сегмента составили всего 17%, что указывает на ограниченность электорального ядра указанных партий, протестный характер голосования на прошедших выборах (голосовали не за конкретную партию, а против власти), а также низкий потенциал у системных партий расширить протестный электорат. Таким образом, укрепление электорального результата парламентских партий по итогам ЕДГ-2018 является сугубо ситуативным.

Опрошенные в ходе подготовки доклада эксперты отмечают следующие тенденции:

1. **Высокий уровень протестного голосования в связи с раздражением населения от проводимой в стране коррекции пенсионной системы** и, как следствие, проигрыш кандидатов в губернаторы от «партии власти» (Приморский край, Хабаровский край, Республика Хакасия, Владимирская область).
2. **Усталость населения от активной избирательной кампании по выборам Президента РФ** (работа на явку, всеобщая мобилизация, отсутствие ярких претендентов, референдумный характер голосования).
3. **Исчерпание мобилизационного ресурса внешнеполитической повестки**, усиление запроса избирателей на внутреннюю повестку.
4. **Изменение «гражданского договора» между населением и властью** (значимое вмешательство государства в жизнь населения).
5. **Снижение президентского влияния на исход голосования:** поддержка президента – не гарантия избрания.
6. **Более низкие результаты избранных губернаторов – кандидатов от «Единой России», по сравнению с прошлыми циклами**, укрепление позиций КПРФ, ЛДПР в региональных парламентах и ОМСУ;
7. **«Эффект домино», когда провал в одном регионе становится катализатором поражений в остальных территориях.** На сегодняшний день повесткообразующим регионом является Приморье.

Среди чаяний населения есть ключевой запрос на справедливость, которая в разных идеологиях понимается, разумеется, по-разному. Опрос выявил следующую градацию базовых представлений о справедливости.

Диаграмма №4. У каждого человека есть свое понимание социальной справедливости. В чем, на Ваш взгляд, состоит социальная справедливость?
 (% от всех опрошенных)

V. Возможные сценарии появления новых успешных партий в России

В конце 2018 г. и на ближайшую перспективу «Единая Россия» останется доминирующей партией, несмотря на то, что потенциал ее поддержки снизился.

Особенность текущего момента состоит в том, что Единая Россия больше не может выступать в качестве всеядной, «catch all» партии. Но может ли она стать идеологической, например, правоцентристской партией? Или навсегда привязана к амплу партии лидерского типа, ориентированной на президента и собирающей в себе весь истеблишмент? Этот вопрос остается открытым, но все же это второстепенный вопрос.

В настоящий момент главный вопрос состоит в том, сможет ли Кремль, в лице Администрации Президента, сохранить монополию на управление процессами партийного строительства. В условиях новой политической реальности и набирающей силу антиэлитной волны наметился рост потенциальной поддержки непарламентских партий, при правильной стратегии кто-то из них вполне может «выстрелить» на ближайших выборах.

Если риски потери управления, существуют, то выборы следующей, «транзитной» Думы 2021 г. могут принести немало сюрпризов. Впрочем, даже до них левопопулистский проект или лидер сможет собрать, как пылесос, протестное голосование на региональных выборах.

Сегодня власть реализует несколько сценариев одновременно. В одних случаях с «драконом популизма» пытаются бороться при помощи юридических технологий (Хакасия), в других власть сама пытается стать «драконом» - джин популизма выпущен из бутылки на выборах в Приморском крае, где кандидат от власти О.Кожемяко стал едва ли не большим популистом, чем соперник предыдущего врио, кандидат от КПРФ А.Ищенко. Однако такие тактические решения не являются частью единой скоординированной стратегией - путь решения проблемы выбирается в зависимости от региона и наличия подходящего кандидата.

Это отчасти оправдано, ведь антиистеблишментная волна маркируется не идеологически, а поведенчески. Побеждает тот, кто выглядит не как человек из системы. Образ, который востребован у избирателей в наибольшей степени, - «простодушный борец». В таких условиях опасными соперниками для технократов могут стать любые локальные лидеры.

Несмотря на возможный успех тактических шагов, очевидно, что усилия по укреплению текущей экосистемы партийной системы необходимы.

Иллюстрация №1. Экосистема российских политических партий

База правящей элиты, «детинец» ее крепости, партия «Единая Россия», демонстрирует достаточно высокую степень устойчивости даже в условиях снижения рейтингов власти. В частности, этому способствует система конкурентных праймериз, позволяющая тестировать электоральную эффективность потенциальных кандидатов на выборы разного уровня и обновлять состав элит за счет «свежей крови». Однако можно предположить, что посткрымские экстремумы рейтинговых показателей для ЕР остались в прошлом.

Парламентские оппозиционные политические партии являются «внешним кольцом обороны» правящей элиты, выступая чаще партнерами, чем оппонентами власти. Практика гласных и негласных соглашений с властью по кадровым вопросам является для них как ресурсом, так и ограничителем. Несмотря на локальные региональные успехи этих сил, и данных социологических исследований мы видим, что запрос на возникновение новых политических игроков у населения остается.

Одним из простых способов отложить решение проблемы недопредставительства могло бы стать возвращение избирательных блоков. Это может отодвинуть в будущее решение вопроса о новой партийной конфигурации. Малые партии смогут организовать в блоки и возможно выстроить на основе своих временных палаток полноценный защитный вал. Или же одна из коалиций заменит обветшавшие ворота партии «Справедливая Россия» во внешней защитной стене, которая сейчас формируется усилиями парламентских партий.

В конечном итоге, мы говорим об очень простых вещах. Политическая система должна отражать запросы избирателей, а в настоящий момент времени она, если это и делает, то со сбоями.

Если принять наиболее вероятный сценарий перезагрузки системы к 2021 г. сверху, то в нем возможны две альтернативы: запуск новых политических проектов и институционально-юридическая коррекция.

Перезагрузка. Юридически-институциональная. Возможные внешние импульсы для изменения системы:

- Переход на полностью мажоритарную избирательную систему, способствующую формированию двухпартийной системы;
- Снижение проходного барьера в Госдуму, и, как результат, вероятность прохождения малых партий («Патриоты России», «Коммунисты России», «Родина» и т.д.), с последующей потенциальной трансформацией в популистские при получении парламентской трибуны;
- Введение обязательных праймериз, законодательный запрет «паровозов» в партсписках;
- Возвращение предвыборных блоков;
- Сокращение государственного финансирования партий;
- Комбинация данных мер.

Среди нормативных сценариев наиболее реалистичен сценарий **«возвращение предвыборных блоков» (возможно, с более высоким для них проходным барьером).**

Преимущества сценария **«возвращение предвыборных блоков»:**

- Легкость имплементации в законодательство
- Возможность уравновесить фланги, как правыми, так и левыми проектами
- Возможность быстрого ребрендинга «партии власти» в рамках блока
- Возможность оперативного создания партнерского популистского проекта (по модели «Родина-2003»)

Перезагрузка. Политически-волевая. Внешний импульс для развития системы:

- Докомплектация сверху: укрепление и укрупнение фланговых альтернатив ЕР (новый проект на базе «Справедливой России», наиболее вероятно – СР+Родина);
- Создание из системы спойлеров и малых партий новой главной левой партии вместо КПРФ;
- Намеренное раздробление больших проектов в среде политических карликов, реализация сценария «Единая Россия» и сонм малых партий», где в каждой электоральной нише как минимум 3 трудноразличимых проекта – вероятность сценария консолидации нескольких малых партий внутри «сонма» и их трансформации в популистскую;
- Создание/реинкарнация правой партии с позитивной повесткой как нового партнера-конкурента для ЕР (римейк «Союза Правых Сил» 1999 г.) – четвертая башня во внешней стене;
- Создание лояльной власти «Партии регионов» (вариация «четвертой» башни) с повесткой укрепления институтов федерализма (но не сепаратизма), как инструмента «выпуска пара» в непростом вопросе неравенства регионального развития;

Среди политически-волевых сценариев наиболее реалистичен сценарий **«создание нового проекта на базе партии «Справедливая Россия».**

Преимущества сценария **«Создание нового проекта на базе партия «Справедливая Россия»:**

- Партия переживает кризис позиционирования и лидерства. Но это значит, что проект комфортен для политической трансформации. Это готовый продукт, в котором нет нужды тратить время на организационную работу по созданию каркаса-структуры;
- Очевидный кризис лидерства позволяет относительно легко ввести новую фигуру/фигуры;
- «Справедливая Россия» уже участвовала в партийном проекте по слиянию;
- «Справедливая Россия» уже была партией региональной патриотической контроллиты.

Эволюционные сценарии развития партийной системы также были рассмотрены, но вероятность их реализации невелика в силу сопротивления сформировавшейся политической среды. Ниже они кратко приведены.

Эволюция. Естественное движение «снизу» внутри ЕР:

- Децентрализация ЕР через развитие системы праймериз, в том числе с реальной конкуренцией при отборе кандидатов в губернаторы (а не через модель инкубентов или врио губернаторов, присылаемых из Москвы, как естественных лидеров)
- Институционализация и укрепление фракций внутри ЕР через развитие платформ и другие механизмы. Реальная конкуренция и политическая борьба между ними.

Эволюция. Естественное движение снизу внутри других партий:

- Электоральные успехи одной или нескольких малых партий – прохождение в Госдуму и получение трибуны для дальнейшей экспансии
- Смена лидеров внутри КПРФ и ЛДПР

Если же в горизонте 2-3 лет ничего не менять, то мы приходим к инерционному сценарию, в рамках которого можно будет наблюдать медленное угасание парламентских партий. Возможности для старта новых политических проектов будут по-прежнему закрыты. В совокупности это может привести к тому, что в Госдуме 2021 г. произойдет серьезная потеря мандатов «партии власти», которая будет вынуждена вступить в формальную коалицию с кем-то из системных сил (вероятно, ЛДПР) – «накормить дракона». Важно отметить, что потеря голосов партией «ЕР» может быть непредсказуемой – как в пользу системных партий, так и в пользу наиболее успешно адаптировавшегося к новой политической реальности проекта на базе одной из малых партий. Тогда процесс политического менеджмента и создания устойчивого большинства в рамках «транзитной Думы» придется переносить из электоральной стадии в постэлекторальную. Самый жесткий инерционный сценарий предполагает, что из-за деградации политического предложения электоральные способы выпуска пара будут полностью исчерпаны и, на фоне существования непопулярной и невлиятельной «транзитной Думы», произойдет переход к неэлекторальным формам политический борьбы.

Авторы:
Евгений Минченко

Кирилл Петров

При участии:
Евгения Стулова
Юлиан Баландин
Роман Чалый

Автор иллюстраций:
Алла Тяхт